

Послеобеденное дежурство прошло в дальнейших покупках Орвицки и поучительных рассказах Большого Мака о тонкостях полицейской службы.

Полицейская система Нортонской империи была сформирована относительно недавно, с учетом опыта других государств, но ее общая структура и регламент, определяющий функции полиции, все еще оставались весьма несовершенными и даже хаотичными.

Например, патрульные Содмана, помимо дежурства на улицах и в полицейском участке, должны были нести караульную службу у зданий суда и тюрем. Полицейские в других, менее крупных городах, и вовсе выполняли функции пожарных.

Во время дежурства в участке их обязанности были не менее разнообразными: сортировка и подшивка дел, выезды с детективами на задержания преступников, "помощь" в проведении допросов подозреваемых, приведение в исполнение телесных наказаний, охрана высокопоставленных лиц и многое другое.

По сути, это была одна зарплата за выполнение работы, которую в нормальных условиях выполняли бы сотрудники как минимум четырех-пяти разных ведомств.

- ...Орвицка, - серьезно сказал Большой Мак, - если нас когда-нибудь поставят охранять важную персону, запомни две вещи крепко-накрепко: первое - никогда не действуй в одиночку, что бы подозрительное ты ни заметил, ни шагу в одиночку! Второе - никогда не принимай тайно никаких подарков или денег, от кого бы они ни исходили - от самого охраняемого, его свиты или кого-то еще.

Орвицка молча кивнул. Это был ценный совет, основанный на горьком опыте Большого Мака, и как новичок, он должен был ему внять.

- Район Рыбьего Хвоста - дыра дырой, но все же это часть Содмана, - продолжал Мак. - Здесь не так безопасно, как может показаться на первый взгляд. И... э-э... - он на мгновение запнулся, подбирая слова. - И, честно говоря, твоя смазливая мордашка может навлечь на тебя немало неприятностей.

До сих пор, по мнению Большого Мака, Орвицка вел себя как послушный и добрый юноша, что вполне соответствовало его происхождению - наивный птенец из богатого гнезда, совершенно не знакомый с реалиями жестокого мира. Это побудило Большого Мака быть с ним откровеннее. Но, высказав свое опасение, он уже приготовился к тому, что молодой человек вспылит и разразится гневной тирадой.

- Я понимаю, о чем вы, сэр. Постараюсь быть осторожнее и беречь себя, - спокойно ответил Орвицка. Душа, обитавшая теперь в этом юном теле, прекрасно понимала, что это предостережение было продиктовано искренней заботой, а не желанием уязвить.

У Орвицки были волосы цвета спелой пшеницы, серые глаза, россыпь веснушек на щеках, прямой нос, пухлые алые губы и еще по-детски округлое овальное лицо. До андрогинной красоты было далеко, но он, бесспорно, был очень красивым юношей. К тому же, прежний владелец тела получил блестящее воспитание, а переселившийся Орвицка обладал хорошим образованием и безупречными манерами, что придавало ему утонченность и шарм, выгодно отличавшие его от большинства людей в этом мире.

Юноша был красив, чист и невинен, но юноша был еще и несовершеннолетним, почти ребенком.

Орвицка был геем, но не педофилом. Глядя на ребенка, на юношу, каким бы прекрасным он ни был, он испытывал лишь инстинктивное желание защитить, а не какие-либо иные мысли. Но он знал, что другие люди могут думать иначе.

На Голубой планете, в эпоху информационного изобилия, он читал немало документальных свидетельств и знал, что у многих людей есть темные, извращенные пристрастия. В этом мире,

судя по обрывкам воспоминаний прежнего владельца тела, деловые партнеры старого Мондейла, отцы одноклассников, незнакомцы на светских раутах и даже школьные учителя порой бросали на него странные, плотоядные взгляды. Пожалуй, лишь взгляды тех однокашников из Пэлдской общественной школы, что открыто выражали ему свою симпатию, были более-менее честными и чистыми.

Прежнему Орвицке действительно стоило уехать из Содмана вместе со старым Мондейлом. Он еще не достиг того возраста, когда можно было бы отправляться в самостоятельное плавание, и все еще отчаянно нуждался в защите отцовского крыла.

Взгляд Орвицки был серьезным и прямым, его ответ не был пустой формальностью. Большой Мак удивленно замер на мгновение, а затем решил больше не возвращаться к этой щекотливой теме:

- Завтра мы дежури́м в участке. Обычно день проходит спокойно, ничего особенного не случается. Я проведу тебя по зданию, покажу что к чему.

- Вот здорово! А в оружейную заглянем? - глаза Орвицки загорелись неподдельным интересом. Это была хоть какая-то приятная перспектива.

- Само собой! У нас есть пистолеты и дробовые паровые ружья. Тебе, конечно, личное оружие пока не положено, но можешь взять в руки, пощупать, поиграться.

Орвицка, державший в руках настоящее огнестрельное оружие лишь дважды во время университетских военных сборов, энергично закивал, предвкушая завтрашний день.

Около шести часов вечера Орвицка и Большой Мак, завершив патрулирование и вернувшись к угольно-газовой станции, увидели полицейских, пришедших им на смену. Обрато́ в участок они поехали на общественном конном омнибусе, так как общественный паровой трамвай ходил только по одному маршруту.

Они снова не заплатили за проезд. "Если в будущем я буду ездить один, обязательно заплачу", - решил про себя Орвицка, - "но сейчас нельзя выделяться".

По дороге Большой Мак указал ему на аптеку, но Орвицка, уже купивший чеснок и имбирь в бакалейной лавке госпожи Батлери, решил туда не заходить. Он должен был экономить каждую монету. Смотреть на аппетитные приправы, которые не можешь себе позволить, и одновременно думать о том, как одно за другим из твоего воображаемого меню исчезают любимые блюда, было настоящей пыткой.

Он уже чувствовал сосущую пустоту в душе, смешанную с вполне реальным урчанием в животе.

Однако перед тем, как наконец вернуться домой, Орвицке предстояло еще одно небольшое физическое испытание.

- Ваши покупки сложены здесь, будьте добры, пересчитайте, - госпожа Торрей распахнула дверь кладовки на первом этаже, где аккуратными стопками были сложены все приобретенные Орвицкой вещи.

- Да, конечно, госпожа Торрей, - потратив пять-шесть минут на тщательную проверку, Орвицка удовлетворенно кивнул. - Вы все очень аккуратно разложили, ничего не пропало. Весьма признателен.

Орвицка впервые увидел тень улыбки на строгом лице управляющей:

- Можете начинать переносить ваши вещи, молодой человек. Я пока присмотрю за вашим имуществом. Хотя здесь проживают исключительно достойные и заслуживающие доверия

господа, лучше все же соблюдать установленные правила, вы согласны?

- Безусловно, вы совершенно правы, - Орвицка слегка склонил голову в знак уважения и согласия со старшей. - Братья из бакалейной лавки тоже очень добросовестно выполнили свою работу, вся посуда цела, ни единого скола. В следующий раз, когда буду в бакалейной лавке, непременно должен дать им чаевые пощедрее.

- Вы уже дали им чаевые, и этого вполне достаточно, - возразила госпожа Торрей. - Получать слишком много за один раз - не на пользу этим детям.

- Вы правы, - покорно согласился Орвицка. Хотя он и считал эту даму излишне строгой, как новичок в этих краях, он решил последовать совету опытного человека.

Дальнейшие разговоры были излишни, и Орвицка принялся таскать свои пожитки наверх.

Хотя он жил всего лишь на втором этаже, потолки в этом здании были невероятно высокими, подъем на один этаж по ощущениям был сравним с подъемом на два этажа в его родной Поднебесной. Орвицка поначалу беспокоился, выдержит ли его хрупкое юное тело, только недавно оправившееся после болезни, такую нагрузку, но он довольно быстро перетаскал все вещи в свою комнату.

- Должна признаться, вы меня немного удивили, - госпожа Торрей задумчиво погладила подбородок, не скрывая своего изумления. - Господин Биддл даже тайно попросил меня быть наготове, чтобы прийти ему на помощь, если понадобится, но вы, как я погляжу, уже вполне крепкий и выносливый жеребенок.

Это сравнение вызвало у Орвицки смешанные чувства - неловкость и легкое веселье:

- Честно говоря, я и сам немного удивлен своей прытью, - признался он.

Он уже снял тяжелый полицейский китель, закатал рукава рубашки, а шлем оставил в комнате. Он был готов немедленно прерваться и отдохнуть при малейшем признаке недомогания, но справился с переноской вещей на удивление легко, лишь слегка взмокнув от напряжения.

- Что ж, мне пора возвращаться к вязанию носков, - сказала госпожа Торрей. - Заранее желаю вам спокойной ночи, господин Мондейл.

- И вам доброй ночи, до завтра, госпожа Торрей, - вежливо попрощался Орвицка.

И без того крохотная комнатка Орвицки стала еще теснее из-за обилия новых вещей. Закрыв за собой дверь, Орвицка тут же недовольно нахмурился и плотно сжал губы. Он подошел к кровати, тяжело опустился на нее и принялся стаскивать ненавистные ботинки.

Когда ботинок был снят, Орвицка поставил босую левую ногу на холодный пол. Он вытряхнул из голенища сбившийся в комок носок.

Орвицка тяжело вздохнул. В последний раз носки так предательски сползли с его ног в средней школе. Тогда причиной был его стремительно растущий размер ноги - носки незаметно стали малы. На этот раз виной всему было отвратительное качество самих носков. Они были из чистого хлопка, но совершенно лишены эластичности и болтались на ноге, как мешки.

Тогда, в школе, он носил мягкие и удобные кроссовки, и сползший носок не доставлял особых неудобств. На этот раз на нем были жесткие, негнувшиеся кожаные ботинки, к тому же новые, и они немилосердно натирали.

- Ш-ш-ш... - Орвицка с гримасой боли освободил правую ногу. Она пострадала еще сильнее левой, огромный волдырь на большом пальце уже лопнул, превратившись в кровоточащую рану. - Эх, существование некоторых вещей, как ни крути, оправдано необходимостью.

Этими "некоторыми вещами" были подвязки для носков...

Не то чтобы Орвицка сам их покупал, они шли в комплекте с полицейской униформой. Он долго вертел в руках эти странные маленькие тканевые полоски с зажимами, пытаясь понять их предназначение. Сначала он даже подумал, что это какие-то декоративные ленточки для кителя, и долго прилаживал их к пуговицам. В конце концов, обрывок воспоминаний прежнего владельца тела подсказал ему истинное назначение этих загадочных предметов.

Это были мужские подвязки для носков. Их полагалось крепить на голени, а затем специальными зажимами цеплять за верхний край носка, чтобы он не сползал.

Воспоминания услужливо подкинули Орвицке еще одно пикантное знание: существовали и мужские подвязки, крепившиеся на бедрах, но назывались они иначе - держателями для рубашки. Если женские подвязки для чулок удерживали их сверху вниз, то мужские держатели для рубашки - наоборот, снизу вверх, цепляясь за подол рубашки и не давая ей выбиваться из брюк. Узнав об их существовании, Орвицка даже на мгновение почувствовал легкое возбуждение.

"Мой мужчина мечты в белоснежной рубашке и черных держателях для рубашки... кхм, одетый только в это..."

Хотя он понятия не имел, как выглядит его мужчина мечты, он точно знал, какой тип фигуры ему нравится больше всего, а такой наряд казался ему невероятно сексуальным, просто до головокружения.

Именно потому, что при первом же взгляде эти маленькие аксессуары вызвали у Орвицки столь сильные и неуместные сексуальные ассоциации, он и не стал их надевать. И вот теперь жестоко поплатился за свою щепетильность.

Он нашел иголку, проколол еще целые волдыри, аккуратно выпустив скопившуюся под кожей жидкость. Лопнувший волдырь тоже тщательно промыл соленой водой. В эту эпоху не было ни антисептических мазей, ни пластырей, оставалось лишь надеяться, что ранки быстро покроются спасительной корочкой.

Вечером он съел две печеные картофелины, сварил себе большую миску супа из репы. Ногам стало немного легче. Он подошел к единственному маленькому столику в комнате и взял оттуда деревянную коробочку. Это была его самая дорогая покупка за весь день в бакалейной лавке - три жалких зубчика чеснока и два крошечных кусочка имбиря общей стоимостью 1 золотой герб и 40 айко. Госпожа Батлери еще и сделала ему "скидку", простив мелочь.

Будучи в прошлой жизни заядлым домоседом с уймой свободного времени, Орвицка сам выращивал и лук, и имбирь, и чеснок. Так что кое-какой опыт у него имелся.

С чесноком все было относительно просто, а вот имбирь заставил Орвицку призадуматься. Раньше он всегда проращивал крупные, размером с ладонь, плотные и здоровые корневища. А эти два кусочка, хоть и целые, были размером не больше спичечного коробка, с высохшей, сморщенной, безобразной кожицей, местами уже пошедшей глубокими морщинами. Смогут ли такие заморыши вообще дать ростки?

В любом случае, нужно было попытаться. Если ничего не выйдет, придется раскошелиться и идти в аптеку.

Затем Орвицка вскипятил чайник горячей воды и наскоро умылся - ванная комната в его

жилище была меньше двух квадратных метров, в ней помещались лишь унитаз да крошечная раковина. Прежний владелец тела привез с собой небольшой эмалированный тазик, которым Орвицка и пользовался для умывания. Теперь он купил большую деревянную лохань для купания, но сегодня принять полноценную ванну было уже невозможно - слишком устал, да и раны на ногах требовали покоя.

<http://bllate.org/book/17916/1715758>